

Изъ дневника русской въ Турціи.

Глава XLII ¹⁾.

Итакъ, угасла на политическомъ горизонтѣ яркая звѣзда Мидхатъ-паши: онъ былъ вознесенъ европейской дипломатіей до вершины славы; но сверженъ оттуда внизъ фатальной силой Абдуль-Гамида, и ему, такимъ образомъ, даже не пришлось вкусить отъ плодовъ триумфа своего родного дѣтища, взлелѣяннаго имъ на почвѣ западныхъ идеаловъ.

Такова была развязка трагедіи жизни автора парламентаризма, инсценированнаго тогда для Европы на берегахъ волшебнаго Босфора...

Но въ тѣ историческіе дни меня болѣе всего поражала крайнимъ недоумѣніемъ роль иностранной прессы, такъ какъ она почти не реагировала на фактъ изгнанія Мидхатъ-паши изъ столицы падишаховъ, тогда какъ прежде все ея вниманіе было исключительно обращено именно въ его сторону. Левантинская печать также сбавила тонъ, и на ея страницахъ умолкли побѣдныя фанфары въ честь торжества новаго режима, а въ благодарность за дарованную ей „свободу слова“ выпустила карикатуру, изображавшую палату засѣданій съ уснувшими на скамьяхъ депутатами въ чрезвычайно смѣшныхъ и довольно рискованныхъ, неприличныхъ позахъ.

Однако, и дни „юнаго парламента“ уже были сочтены: 21 марта его безъ всякихъ церемоній распустили и объ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1916 г.

явили новые выборы!.. Словомъ, произошло именно то, чего никакъ не могла ожидать Западная Европа, диктовавшая свою волю турецкому правительству. Но почему такъ?! Развѣ не добровольно подписалъ Абдуль-Гамидъ великій актъ о равенствѣ передъ законами всѣхъ безъ исключенія народовъ, подвластныхъ его коронѣ?..

На эти вопросы никто не давалъ прямого отвѣта: въ дворцовыхъ сферахъ, на примѣръ, говорили, что Мидхатъ-паша обманулъ вообще довѣріе султана, а по версіямъ изъ дипломатическаго міра „новорожденный“ парламентъ оказался будто бы неработоспособнымъ и, такимъ образомъ волей-неволей его пришлось распустить; но въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ интернаціональной прессы рассказывали такія удивительныя легенды, что повторять ихъ было бы даже не умно: кому не извѣстно, что за границей пишутъ о насъ лишь однѣ глупѣшія сказки; но для курьеза отмѣчаю только одну изъ нихъ, гдѣ авторъ, не стѣсняясь границами своей дикой фантазіи, увѣрялъ публику, что закрытіе первой сессіи турецкаго парламента не обошлось конечно безъ интригъ русской дипломатіи да еще при благосклонномъ якобы участіи бѣлыхъ медвѣдей, казаковъ и... *самоваровъ!*

Какъ могло это случиться — никто не спрашивалъ, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ исчерпанъ. Зато эллинскія газеты, руководимыя изъ Аѳинъ политикою задора, отводили, какъ говорится, душу во всю: на ихъ страницахъ въ лучахъ розовыхъ перспективъ древняя Византія уже склоняла голову передъ Императоромъ „Константиномъ“, еще тогда носившимъ титулъ герцога Спартанскаго и „діадоха“¹⁾ греческаго престола. Къ моменту, о которомъ идетъ сейчасъ моя рѣчь, ему было всего лишь 9 лѣтъ, и каждый туристъ, посѣщавшій столицу древней Эллады, свободно могъ созерцать его въ извѣстные часы играющимъ въ лошадки съ дѣтьми горожанъ на какой-нибудь площадкѣ сквера или же гуляющего съ нянькой по широкимъ аллеямъ великолѣпнаго аѳинскаго бульвара. И дѣйствительно, образъ жизни королевской семьи поражалъ иностранца своими упрощенными формами, которыя, вообще, не могли отвѣчать нашимъ условнымъ понятіямъ объ этикетѣ: королева, на примѣръ, ѣздила въ гости къ обыкновеннымъ смертнымъ и заходила въ магазины, чтобы купить себѣ пер-

¹⁾ Въ буквальномъ переводѣ съ греческаго „преемникъ“.

чатки или шляпку, а ея августѣйшій супругъ проводилъ нерѣдко часъ - другой времени за кружкой пива въ какой нибудь brasserie на улицѣ Гермеса. Въ данныхъ случаяхъ присутствіе монарха нисколько не стѣсняло публику и не роняло въ ея глазахъ престижа королевской власти. Но мнѣ хотѣлось бы сказать въ этой главѣ еще нѣсколько словъ о малолѣтнемъ діадохѣ, вокругъ имени котораго эллинскій народъ строилъ и продолжаетъ до нашихъ дней включительно строить воздушные замки, населяя ихъ плѣнительными грезами и красивыми легендами. А вотъ одна изъ нихъ, и хотя она извѣстна каждому образованному человѣку, но я тѣмъ не менѣе передаю ее здѣсь. Мы знаемъ также, что христіанская исторія храма св. Софіи начинается въ царствованіи Константина Великаго, а заканчивается тѣмъ моментомъ, когда султанъ Магометъ II во главѣ своихъ полководцевъ вѣзжаетъ на конѣ въ соборъ и провозглашаетъ формулу Ислама: „Нѣтъ бога кромѣ бога, а Магометъ пророкъ его“. Такъ говоритъ лѣтописецъ а греки еще добавляють къ этому легенду объ одной замурованной двери, черезъ которую будто бы скрылся патриархъ съ чашей св. Даровъ въ ту роковую минуту, когда турки ворвались въ храмъ св. Софіи. Но таинственная дверь, гласитъ преданіе, откроется сама собой: оттуда появится священнослужитель и въ присутствіи „императора Константина“ докончитъ литургію, прерванную 29-го мая 1453 года...

На этихъ туманныхъ преданіяхъ греки и строили свою политику, въ которой имя діадоба „Константинъ“ занимало первое мѣсто. Такъ шло время: о благахъ конституціи даже въ газетномъ мірѣ перестали говорить, и жизнь обывателя на патриархальномъ островѣ стала входить въ свою прежнюю колею.

Но вотъ 7 апрѣля рано утромъ, когда я спала еще крѣпкимъ сномъ, меня вдругъ разбудилъ голосъ тети Marie: „Вставай! Вставай! — повторяла она тревожно, при чемъ слезы катились градомъ изъ ея глазъ:—надо собираться и укладываться...

— Боже мой, что случилось?! Что такое — революція? Мидхатъ-паша?..—спрашивала я, дѣлая усилія понять ее.

— Война! Война Россіи съ Турціей, — перебила она: — дядя получилъ условную телеграмму изъ нашего посольства — какой ужасъ! Неужели еще мало крови?! Теперь

ясно какъ день, для чего распустили парламенты!.. Ахъ, какую ужасную роль играетъ христіанская Европа!..

И дѣйствительно это былъ ударъ судьбы для восточныхъ христіанъ, такъ какъ они наивно вѣрили, что западная дипломатія лишь ради ихъ прекрасныхъ глазъ навязала Абдуль-Гамиду свою конституцію, чтобы такимъ образомъ безъ всякихъ потрясеній рѣшить навсегда больной вопросъ о реформахъ и тѣмъ избавить міръ отъ зрѣлища кровавой борьбы за права человѣка подъ небомъ Оттоманской имперіи...

Но Европа менѣе всего думала о такихъ мелочахъ: ей надо было, какъ знаемъ мы теперь, собрать чужими руками обильную жатву на берегахъ классическихъ морей, и вотъ куда вела она покорную ей Турцію...

Безумная тоска захватила всѣ фибры моей души, и я увидѣла словно на экранѣ волшебнаго фонаря что-то безконечно дорогое и страшно близкое мнѣ; но въ слѣдующее короткое мгновеніе точно какая-то невидимая рука вдругъ стала опускать темную занавѣсь надъ милымъ видѣніемъ и скрыла отъ меня призраки минувшаго...

Г л а в а XLIII.

По расписанію на другой же день, 8-го апрѣля прибывалъ изъ Яффы пароходъ „Императоръ Александръ II“; но это былъ уже послѣдній нашъ рейсъ въ турецкихъ водахъ.

Но такъ какъ по служебному долгу мой дядя обязанъ былъ увезти бумаги консульства и архивъ агентства до начала военныхъ дѣйствій, то ничего другого не оставалось, какъ бросить домъ на волю судьбы, а укладывать въ ящики только этотъ хламъ, который представлялъ собою цѣлыя горы пакетовъ и шнурованныхъ книгъ, занимавшихъ на протяженіе 25 лѣтъ весь чердакъ агентской конторы.

Надо было видѣть картину нашего отъѣзда изъ Хиуса, чтобы никогда не забыть ее: я все это вижу и теперь, закрывъ глаза, когда вереница воспоминаній уноситъ меня къ берегамъ синихъ морей, въ царство прелестныхъ видѣній и классическихъ образовъ. Почти все населеніе города, а также изъ дальнихъ плантацій явилось проводить насъ, и зрѣлище это вызвало бы у наблюдателя слезу умиленія — достаточно будетъ сказать, что даже наши политическіе враги, турки, наперекоръ логикѣ фанатизма

пришли также выразить намъ свои добрыя чувства. Бѣдный Хассанъ-эфенди прямо рыдалъ надо мной; гаремныя дамы плакали и увѣряли, что якобы въ моемъ лицѣ онѣ теряли послѣдній лучъ свѣта, проникавшій въ ихъ унылое существованіе изъ вѣшняго міра. До нѣкоторой степени это была правда, такъ какъ затворницы Востока чрезвычайно любятъ общество иностранокъ, а ихъ визиты къ нимъ разсматриваются въ гаремахъ, какъ событія первѣйшей важности. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ мотивамъ дипломатическаго свойства ни самъ Кіамиль-паша, ни его семья не могли находиться въ числѣ провожавшихъ насъ, и я уѣхала, не сказавъ даже прости моей бывшей подругѣ. Нашъ вѣрный слуга и другъ, кавасъ Али, также рыдаетъ, какъ ребенокъ, и отчаяніе бѣднаго старика не знаетъ границъ. Уложить всю обстановку дома не пришлось; но друзья выручили и здѣсь: все наше личное имущество они забрали къ себѣ на храненіе до окончанія войны и, такимъ образомъ, устроили дѣло...

Но вотъ и послѣдній моментъ нашего отъѣзда изъ страны, которая была для меня земнымъ раемъ, гдѣ подъ шатромъ вѣчно голубого неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленью южной флоры, долинъ, покрытыхъ розами, синей, какъ индиго, водой у береговъ—я пережила экстазъ любви короткой весны моей жизни. Послѣднія слезы, объятія, горестныя восклицанія, а затѣмъ лодка греческаго консула перевозитъ насъ къ спущенному трапу съ палубы „Александра II“. Мы поднимаемся наверхъ и вступаемъ, такимъ образомъ, подъ сѣнь нашего русскаго флага...

Ночь зажигаетъ на черномъ фонѣ небосклона яркія звѣзды: вотъ и Большая Медвѣдица раскинула свою громадную колесницу и смотритъ, не моргая глазами, на успувшія волны, по которымъ тихо скользитъ нашъ плавучій домъ, гдѣ все населеніе заснуло, убаюканное нѣжнымъ шопотомъ Эгейскаго моря и равномернымъ стукомъ машины.

На палубѣ никого — только порхая съ мачты на мачту гуляетъ и рѣзвится свѣжій вѣтерокъ.

Морфей протягиваетъ мнѣ также свои объятія; но я убѣгаю отъ него и остаюсь одна, чтобы разобраться въ хаосѣ тѣхъ противорѣчій, которыя наполняли всю мою душу.

Съ каждымъ поворотомъ винта дальше и дальше уходитъ отъ меня милый, незабвенный островъ, и я прощаюсь

съ нимъ навсегда. Долго еще тянутся очертанія Хіоса, а затѣмъ мы углубляемся въ бурный потокъ Чацдарли, этой Сциллы и Харибды турецкаго Архипелага; здѣсь бѣшенныя волны принялись штурмовать насъ, раскачивая то вправо, то влево могучій корпусъ нашего „Александра II“; но я уже не въ силахъ держаться на ногахъ и ухожу въ каюту, гдѣ погружаюсь въ хаосъ болѣзненныхъ видѣній.

На утро, осторожно лавируя въ тѣсной бухтѣ Смирнскаго залива, мы бросаемъ якорь: агентская лодка „Русскаго Общества“ встрѣтила насъ и, подброшенная волной до уровня трапа, передала капитану срочную депешу. Тогда оказалось, что по распоряженію адмирала Чихачева „Александръ II“ немедленно долженъ былъ покинуть гавань и уходить къ Дарданеламъ, чтобы не позже 7 часовъ утра слѣдующаго дня выбраться изъ нихъ въ Мраморное море. Такъ гласилъ приказъ, и не прошло 20 минутъ, какъ загрѣбли опять цѣпи якорей, пароходъ, нѣсколько разъ вздрогнувъ, точно его била лихорадка, повернулся носомъ къ выходу изъ бухты, а затѣмъ набережная и городъ стали уплывать назадъ.

Я стою на верхней палубѣ, вооруженная сильнымъ биноклемъ, и съ напряженнымъ любопытствомъ разсматриваю знакомыя картины, чтобы навсегда удержать ихъ въ моей памяти.

Теперь мы несемся вдоль берега древней Трои: вотъ могила Ахиллеса, высокій холмъ, окутанный зеленью и кустарникомъ; далѣе еще возвышенія, подъ которыми, гласитъ устное преданіе, лежатъ развалины царства Пріама; но сколько я ни наводила туда зрительныя трубки, а въ окуляры ихъ ни разу не попадала тѣнь „прекрасной, раменнолилейной“, какъ называлъ ее Гомеръ, супруги Атрида Менелая, ни очаровательнаго ловеласа античнаго міра, красавца Париса, ни „царя царей“ Агамемнона или же, напримеръ, храбрѣйшаго полководца Троянской эпохи Гектора, сраженнаго „быстроногимъ“ Ахилломъ, и другихъ богоподобныхъ лицъ, воспѣтыхъ Гомеромъ.

— „Sic transit gloria mundi“ — повторяла я, удивленная такимъ оборотомъ дѣла; но, вспомнивъ, что всѣ эти господа уже давно перекочевали въ оперетку, съ негодованіемъ отошла въ сторону отъ нихъ. Зато родныхъ братьевъ „прекрасной Елены“, славныхъ діоскуровъ ¹⁾, боговъ мореход-

¹⁾ Сыновья Зевса.

ства, Кастора и Поллукса я видѣла очень ясно въ ту историческую ночь, горѣвшими, какъ брильянты въ области созвѣдія Близнецовъ.

— Господа, кто желаетъ! Дардавеллы! пожалуйста наверхъ!—такъ говорила прислуга, обходя всѣ каюты. Было всего только пятый часъ утра: солнце еще не поднималось надъ горизонтомъ; но красная лента восхода уже тянулась по небосклону, разгоняя ночныя тѣни. Проходитъ минута, другая, и все населеніе „Александра II“, покинувъ душныя койки, бѣжитъ наверхъ. Осторожно и точно оглядываясь, входимъ мы въ роковой проливъ.

Картина внушительная: обставленные высокими горами въ нѣсколько ярусовъ, оба берега превращены въ земляныя и каменныя укрѣпленія, откуда сурово глядятъ ряды крупновскихъ пушекъ.

Два лоцманскихъ бота встрѣчаютъ нашъ пароходъ и ведутъ его по узкому фарватеру черезъ площадь минныхъ загражденій. Сильное теченіе уноситъ пароходъ все дальше и дальше, а мы переживаемъ моменты глубокой тревоги. Но и было надъ чѣмъ задуматься: подъ волнами, на гребняхъ которыхъ тихо скользятъ наше временное убѣжище, лежатъ страшныя торпеды: всего лишь одинъ невѣрный поворотъ за лоцманомъ, и мы взлетимъ къ облакамъ! Положеніе не изъ пріятныхъ, а главное исключительное: война хотя пока не официально, а уже объявлена — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, такъ какъ не станутъ же воевать специально изъ-за одного пущеннаго къ дву непріятельскаго судна?..

Наконецъ „Александръ II“, слѣдуя за лоцманами, дѣлаетъ крутой поворотъ въ стороны фортовъ Чанакъ и Килидъ Бахра, гдѣ ширина пролива измѣрена не болѣе, какъ въ $\frac{1}{4}$ версты. Здѣсь турецкіе путеводители ведутъ насъ такими мудреными зигзагами, что пароходу нашему ничего другого не остается, какъ переломиться на двѣ равныя части: весь онъ трещитъ и гнется, лавируя между торпедами; но въ концѣ концовъ измученный, усталый выходитъ изъ этого ада и несется въ пространство Мраморнаго моря. Безпокойная зыбь пролива не докатывается сюда, а синяя вода, отражая, какъ въ зеркалѣ, огненные блики солнца, тихо и робко журчитъ подъ кормою „Александра II“...

Къ 4 часамъ дня мы уже находились въ предѣлахъ Босфора.

Е. Рагозина.